

УДК 811.163.4

Р. Р. Мухамедов

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Мухамедов Р. Р. Лексичні й фонологічні особливості сучасних балканських мов.

У статті досліджено процеси «лінгвістичного інжинірингу» мовних стандартів у незалежних країнах колишньої Югославії в період початку 1990-х рр. Кожна з країн колишньої Югославії проводила послідовну політику відмежування від сербохорватської мови, що мала на меті збільшити мовну дистанцію. Мовна політика супроводжувалася «пуризмом»; до нових мовних стандартів впроваджувалися архаїзми й локалізми. Підґрунтям творення нових мовних стандартів стали історичний і діалектичний принципи, з урахуванням регіональних фольклорних і літературних традицій. У кожній із країн ставлення до чужомовних запозичень було особливим і залежало від культурно-політичних, а не лінгвістичних причин. Реформісти ставили за мету зробити сучасні мови максимально несхожими одна на одну, особливо на сербську мову. Відбувалися зміни і в фонологічній, і в морфологічній структурах мови.

Ключові слова: Балканський мовний союз, лінгвістичний інжиніринг, локалізми, архаїзми, пуризм, мовний стандарт.

Мухамедов Р. Р. Лексические и фонологические особенности современных балканских языков.

В статье исследуются процессы «лингвистического инжиниринга» языковых стандартов в независимых странах бывшей Югославии в период начала 1990-х гг. Каждая из стран бывшей Югославии проводила последовательную политику отмежевания от сербохорватского языка, которая имела цель увеличить языковую дистанцию. Языковая политика сопровождалась «пуризмом»; в новые языковые стандарты внедрялись архаизмы и локализмы. Новые языковые стандарты образовывались на основе исторического и диалектического принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций. В каждой из стран отношение к иностранным заимствованиям было особым и зависело от культурно-политических, а не лингвистических причин. Реформисты имели цель сделать современные языки максимально отличными друг от друга, в особенности от сербского языка. Происходили изменения и в фонологической, и морфологической структурах языка.

Ключевые слова: Балканский языковой союз, лингвистический инжиниринг, локализмы, архаизмы, пуризм, языковой стандарт.

Muhamedov R. R. The Lexical and Phonological Peculiarities of Modern Balkan Languages.

The article analyses the effects of the linguistic engineering of modern Balkan languages in newly formed former Yugoslav states in the beginning of 1990's. Each of the newly formed states conducted a deliberate policy of linguistic distancing. New language norms were developed on the basis of local historical and dialectic principles, in accordance with regional folk and literary dialects. In Croatia the language policy was followed by policy of purism, archaisms and localisms from Kajkavian and chakavian dialects were purposefully

incorporated into literary norms. In Croatia there was a specific attitude towards borrowings from other languages, especially from Slavic and Oriental languages. Language corpus planners aimed to make Croatian extremely different from other languages in the region, especially from Serbian. If Croats tried to purify own language from oriental lexical idioms, Bosnians on the contrary actively incorporated such borrowings, especially from Oriental / Muslim languages. Bosnians aimed to make their language ideologically different from others in the region, making Islam the ideological core of new literary standard. In most cases the phonological structure of words has changed. In Montenegro the process of codification of the new literary standard was initiated later than in other states. New Montenegrin language standard has three new phonemes which are absent in other languages of the region. As in other states of the region, Montenegrin was codified on numerous local dialects, and therefore was not widely accepted by Montenegrins. The lexical and phonological structures of contemporary Balkan languages are of particular interest for ethno-linguistic anthropology and sociolinguistics since they reflect the socio-political transformations that have occurred in these states in the end of XXth century and the beginning of XXIst century.

Key words: Balkan Language Union, Linguistic Engineering, Localisms, Archaisms, Purism, Literary Standard

С начала 1990-х гг. страны Балканского региона вступают в процесс радикальной экономической и социально-политической трансформации, который вызвал множество труднейших вопросов и в языковой политике. Народы бывшей Югославии столкнулись с необходимостью переосмысления своей национальной идентичности и построения качественно новых социально-политических отношений друг с другом. Усиление национального самосознания происходило, в том числе и за счет вытеснения языка «бывшей метрополии» из всех социальных сфер. Сербскохорватский язык (официальный язык Югославии) рассматривался как проявление «великосербского национализма» и как инструмент подавления и дискриминации языков других югославских народов. Под давлением региональных элит сербскохорватский язык утратил свой базис и на его основе были образованы боснийский, сербский, хорватский, черногорский языки [1].

Цель статьи – рассмотреть процессы лингвистического инжиниринга языковых стандартов в независимых странах бывшей Югославии в период начала 1990-х гг. на примере лексического и фонологического уровней языка.

В каждой из новообразованных стран бывшей Югославии было сделано многое для отмежевания языков от сербскохорватского языка. Наиболее последовательной в этом плане была языковая политика хорватского руководства. В хорватский язык внедрялись мало употребляемые слова из кайкавского и чакавского диалектов,

внедрялись также фонологические и морфологические черты этих диалектов. К примеру, лексический состав хорватского литературного языка пополняется следующими архаизмами и локализмами: *hrdja* (коррозия), *imetak* (собственность), *klesar* (каменщик), *kukac* (насекомое), *pospan* (сонный), *rubac* (носовой платок), *rublje* (белье), *skladatelj* (композитор), *spužva* (губка), *tjedan* (неделя), *tlak* (давление) [4, с. 121].

Кампания по «очистке» языка проводилась повсеместно: изымались книги на кириллице; запрещалось их издание и распространение; создавались специальные комиссии, которые следили за «чистотой» языка на телевидении и радио, в редакциях газет и журналов; издавались словари новохорватского языка без сербских заимствований [1]. Примечательной была и политика по отношению к лексическим заимствованиям из других языков. В 1999 г. был издан свод правил *Savjetnik*, в котором хорватом предписывалось использовать неологизмы, а в крайних случаях хорватские слова, фонетически схожие с иностранными. К примеру, вместо использования заимствованного из английского языка слово *kompajler* (компилятор) предлагалось использовать неологизм *prevodnik* либо *kompiletor* как слово более соответствующее фонетическим особенностям хорватского языка, чем слово *kompajler* [4, с. 123]. Допустимость заимствований из того или иного языка определялась не только фонологическими критериями, но преимущественно культурной близостью.

Так, к примеру, отрицательным было отношение к русизмам, так как лингвистические формы русского языка были адаптированы сербами. Схожее отношение было и к тюркизмам. Таким образом, хорваты избавлялись от православно-славянских и мусульманско-восточных лексических элементов [4, с. 124]. Если хорваты целенаправленно отказывались от тюркизмов, то мусульманские боснийцы, напротив, стремились сделать исламскую культуру идеологической основой своего языка и активно внедряли тюркизмы, арабизмы и персизмы. Так же, как и в хорватском языке, активно инкорпорировались архаизмы и локализмы из сельских диалектов.

Во многих случаях была изменена фонологическая структура слов путем добавления фонемы /h/ во многие слова, с целью сделать их фонетически максимально похожими на турецкие слова. В некоторых случаях внедрение данной фонемы было этимологически обосновано, к примеру в словах *lahko* или *mehko*; в ряде же случаев это внедрение не обосновано этимологически как в словах *hudovica* или *hlopta*. Фонема /h/

также внедрялась в заимствованные слова турецкого происхождения, таких как *sahat*, *halat*, *havaz*. Таким образом, лексические формы боснийских слов стали отличаться от хорватских и сербских слов: *lako*, *meko*, *udovica*, *lopta*, *sat*. В 2012 г. был представлен словарь боснийского языка, который содержал 8300 тюркизмов [5]. Сербские и хорватские лингвисты подчеркивают, что инкорпорирование этнически и конфессионально выраженных слов в боснийский язык препятствует его признанию как языка всего боснийского народа.

Черногорский язык отделился от общего сербскохорватского языка позже остальных, лишь в 2007 г. Этот процесс был инициирован в середине 1990-х гг. и изначально привел к поляризации общества. Учитывая культурно-историческую близость черногорцев и сербов, многие черногорцы негативно отнеслись к идее создания «национального» языка [1]. В Черногории исторически был распространен штокавский диалект с иекавским написанием и произношением, что роднило его с хорватским языком. В то же время с сербским языком этот диалект роднило старославянское происхождение лексики и использование кириллической письменности. По мнению черногорских лингвистов, эта характерная особенность черногорского языка была весомой причиной для его обособления. К 2001 г. были подготовлены первые книги по правописанию и грамматике черногорского языка [4, с. 91–92].

Новый черногорский языковой стандарт отличается тем, что в нем присутствуют три новые фонемы /dz/, /š/, /ž/, что отличает его от всех других языков региона. Более того, реформисты «возродили» некоторые архаичные окончания, которые встречаются в письменностях юго-западного штокавского лингвистического ареала. Данные нововведения потребовали определенных модификаций кириллической и латинской письменностях черногорского языка.

Фонемы /š/ и /ž/ встречаются лишь среди сербов восточной Герцеговины и черногорцев и полностью отсутствуют у хорватов и боснийцев. В. Никчевич, главный идеолог кодификации нового черногорского языка, и его последователи целенаправленно повышали статус диалектных форм северо-западной Черногории до уровня литературной формы черногорского языка. Примечательно то, что хоть данные фонемы и встречаются в различных диалектах черногорского лингвистического ареала, отсутствуют доказательства того, что данные фонемы являются исконно или исключительно черногорскими. Более

того, как отмечают многие эксперты, внедрение данных фонем имело преимущественно символическое значение, так как на письме добавляло две буквы, что отличало черногорский язык от сербского языка [4, с. 103–104].

В. Никчевич также внедрил использование архаичных морфологических окончаний, которые присущи иекавским диалектам, что отличало бы черногорский язык от других языков региона, основанных на штокавском диалекте. К примеру, *ovijeg* в черногорском языке и *ovog* в штокавских диалектах; *dobrijega* и *dobroga*; *svijem* и *svim* и т. д. Описанные выше фонологические и морфологические особенности черногорского языка встречаются в текстах XIX в., однако редко встречаются в современных черногорских диалектах [3, с. 25]. Следовательно, реформисты «сконструировали» язык так же, как и хорваты, внедряя архаизмы из мало употребляемых местных сельских диалектов. Не удивительно, что большая часть населения страны по-прежнему «хладнокровно» относится к данному языковому стандарту.

Современный сербский язык не был подвергнут языковому инжинирингу. Это объясняется тем, что сербский язык являлся основой сербскохорватского языка, как в лингвистическом, так и в социально-политическом плане. В Сербии вопрос языка встал остро лишь в плоскости используемого письма. Кириллица как элемент национальной идентичности сербов наряду с языком и православием усиленно эксплуатировалась в 1990-е гг. [3, с. 15]. По мере ослабления националистической риторики на Балканах, позиции латиницы в сербском обществе укреплялись. Согласно Конституции Сербии официальным языком страны является сербский язык в кириллическом написании. На кириллице составляются документы в госучреждениях, армии и полиции. В то же время на кириллице выходят всего две газеты («Политика» и «Вечерние новости»), только один государственный канал «РТС» использует кириллицу [2].

Для народов бывшей Югославии, распад союзного государства означал необходимость выработки качественно нового отношения к собственному языку. В Хорватии использование нового стандарта с отсутствием сербской лексики являлось проявлением патриотизма. В Боснии интеллигенция стремилась выработать более положительное отношение к мусульманским корням боснийского языка, целенаправленно внедряя ярко выраженные заимствования из восточных языков. В то же время, данный шаг препятствует

признанию боснийского языка со стороны сербов и хорватов, также проживающих в Боснии и Герцеговине. Кодификаторы современных балканских языков стремились создать отличные лингвистические идентичности, игнорируя многочисленные сходства диалектных основ соответствующих языков. Современные балканские языки и сейчас остаются в процессе формирования собственной идентичности. Лексические и фонологические особенности современных балканских языков отображают социально-политически обусловленные трансформации в странах бывшей Югославии и влияние данных процессов на языковую ситуацию в этих странах.

Литература

1. Мартынова М. Ю. Языковые процессы на Балканах как элемент национального вопроса [Электронный ресурс] / М. Ю. Мартынова // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – Режим доступа : <http://static.iea.ras.ru/news/martynova.pdf>
2. Мельникова К. Языковой барьер. Кириллица стала камнем преткновения в отношениях сербов и хорватов [Электронный ресурс] / К. Мельникова // Lenta.ru – 2015. – Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2015/08/28/cyrillic>
3. Bugarski R. Language in the Former Yugoslav Lands / R. Bugarski, C. Hawkesworth – Bloomington : Slavica, 2004 – 325 p.
4. Greenberg R. D. Language and Identity in the Balkans : Serbo-Croatian and its Disintegration / R. D. Greenberg. – New York : Oxford University Press, 2004. – 188 p.
5. Ibrahimović F. Rječnik turcizama u bosanskom jeziku s tumačenjem i prijevodom na engleski jezik / F. Ibrahimović. – Tuzla : Derviš Sušić, 2012. – 444 p.

Стаття надійшла до редакції 07.10.2017 р.